

3. Талеб Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2015. С. 736.
4. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. М.: Науч. изд., 1987. 218 с.
5. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1948. С. 249.

ФИЛОСОФ БУДУЩЕГО СТАНИСЛАВ ЛЕМ

*Язневич В.И.
г. Минск, Беларусь*

Станислав Лем оставил после себя философскую систему: сформировал собственные метафизику, эпистемологию и аксиологию. Философия Лема – рационалистический натурализм с метафизическими продолжениями, философия случая (тихизм). Главный тезис: технология – это независимая переменная цивилизации. Иначе, философия Лема – философия будущего, сущность которой заключается в аналитической попытке (в т.ч. литературными средствами) исследовать, каким образом должна измениться философия (онтология, эпистемология, эстетика, этика) под влиянием будущего эмпирического знания.

Ключевые слова: Лем Станислав, философия, философия случая, тихизм, философия будущего, футурология.

I

Проходят уже Четвёртые Лемовские Чтения, организованные кафедрой **философии** Самарского университета... Все называют Станислава Лема либо «писателем и философом», либо «философом и писателем». Мнения специалистов расходятся в вопросе, кем является Станислав Лем: писателем, проповедующим некую собственную философию (философствующим писателем), или философом, пишущим великолепную беллетристику (писательствующим философом)? Или иначе: «Кто Лем больше – писатель или философ?» И в чём суть **философии** Лема?

В процессе работы над книгой «Станислав Лем» [1] о биографии и философском наследии Лема автор провел опрос среди более сорока специалистов по его творчеству («лемологов») со всего мира, предлагая ответить на приведенный выше первый вопрос. Правда, не все специалисты находятся в равных условиях, ибо полностью оценить творчество Лема могут исключительно те из них, кто знает польский, немецкий или русский языки – только на них были опубликованы все философские монографии Лема и

многие статьи, на английском же была издана только «Сумма технологии», да и то (наконец-то!) в 2013 г. – через пятьдесят лет после её первого издания.

Если, оценивая ответы [1, с. 366-389], подсчитать математически, то перевес в сторону писателя, но разделение мнений произошло в основном по профессиональному признаку, ведь среди лемологов всё-таки подавляющее большинство составляют филологи (и примкнувшие к ним журналисты и писатели). Но все философы признали его своим (и выступили они очень убедительно), и важно, что и среди филологов нет единодушия. Приведём с сокращением несколько мнений в пользу Лема-философа.

Мария Галина (Россия), писатель, кандидат биологических наук: «Полагаю, Лем был философом и блестящим экспериментатором, как бы вытаскивающим штучный литературный инструмент специально под каждую очередную философскую идею...».

Александр Грицанов (Беларусь), кандидат философских наук, автор статей «Лем» [2] и «Солярис» [3] в российских философских энциклопедиях: «Лем – безусловно – намного больше философ, но он философ, способный писать человеческим языком (...). На него похож (только по нормальному языку), например, Камю...».

Яцек Жешотник (Польша), профессор, доктор филологии, докторская диссертация об интерпретации произведений Лема в немецкоязычных странах: «Я считаю, что на начальном этапе своей творческой деятельности Лем пережил определенную метаморфозу – первоначально он был, скорее, “философствующим писателем”, о чем свидетельствуют его самые ранние произведения, вписывающиеся в типичные “рассказы об учёных и изобретениях”, к которым он добавлял щепотку философских наблюдений, но очень быстро преобразился в “писательствующего философа”, который конструировал литературные тексты вокруг своих собственных эпистемологических/гносеологических концепций (которые иногда полемизировали с существующими теориями, иногда же были абсолютно оригинальными идеями). Лучшие произведения Лема демонстрируют его нам именно как “писательствующего философа”...».

Лех Келлер (Польша), доктор политологии, защитивший в Австралии диссертацию о видении будущего в произведениях Лема: «Лем был философом, занимавшимся литературой. Аналогично, например, Ницше, у которого поэзия четко смешивается с философией, или как у Вольтера (философские сказки). Так как Лем писал очень хорошо (с точки зрения стиля и способности не наведения скуки на читателя), то другие философы меньшего уровня, такие, например, как Колаковский, завидовали этому его

таланту (гению?) и делали всё, чтобы принизить значение Лема как философа. (...) Лем был философом *sensu stricto*, написал ведь “Философию случая”, свою “Сумму технологии” и в высшей степени философские “Диалоги”. Вместе с Адамом Шаффом он был наиболее выдающимся (с точки зрения оригинальности и глубины мысли) польским философом XX века, более выдающимся, чем сильно разрекламированный Колаковский или даже Котарбинский».

Перед началом работы над книгой о философском наследии Лема [1] автор склонялся к тому, что Лем всё-таки явно является философствующим писателем, и даже удивлялся убеждённости некоторых лемологов, что Лем больше философ, чем писатель. Завершив работу над книгой, в процессе которой пришлось освежить в памяти художественные произведения писателя и его философские монографии, заново прочитать-просмотреть-пролистать на разных языках более тысячи его статей, несколько тысяч его писем, порядка трёх сотен интервью с ним, два десятка книг и несколько сотен статей о нём и его творчестве, я утвердился во мнении, что Лем – в первую очередь всё-таки Философ. И пусть он не получил специального философского образования, но с самого начала своей творческой деятельности он вращался в философских кругах и всю жизнь активно самообразовывался именно в философии, и освоил её он очень основательно, о чём свидетельствует установленный автором факт, что труды более 30% (157 чел.) из 500 наиболее известных философов мира он упоминал в своих работах и интервью, причем 59 из них он упоминал в своих художественных произведениях.

II

В целом о своей философии в беседе с немецкими философами, опубликованной под многозначительным названием «Весь этот философский хлам» [4; 5, с. 88-112], Станислав Лем говорил следующее: «В основном я исходил из школы фальсификационизма Поппера. Пожалуй, именно оттуда исходит мое понятие философии. Философы должны заниматься тем, что выходит за пределы элементарных знаний, которые человек получает благодаря восприятию. Но не в смысле трансцендентности, а лишь в том смысле, что они требуют, чтобы философия не только использовала результаты научных исследований, но и рассматривала науку как фундамент наших общих знаний. Если быть кратким, то можно сказать следующее: философия, как и во времена древних греков, состоит из онтологии, эпистемологии, ну и ещё добавляется этика. Онтологические вопросы вообще невозможно решить однозначно с помощью экспериментальных методов. Скорее, это можно сделать с эпистемологическими вопросами. А

этика? Из науки вообще невозможно сделать аксиологических выводов. Это значит, что если у человека есть плутоний, то он знает, как его получить. А вопрос о том, станет ли плутоний средством убийства людей, относится к области этики и может рассматриваться с разных точек зрения» [5, с. 89].

Говоря в общем о философских взглядах Лема, можно утверждать, что по своей философской позиции Лем является аналитическим философом, принявшим и творчески переосмыслившим основные философские положения Венского кружка (действовавшего в 1920-30-е годы), Львовско-Варшавской школы (1920-30-е годы) и англо-американской аналитической философии.

Поэтому «союзниками» Лема в философии в первую очередь являются австриец Людвиг Витгенштейн (ведь программа Венского кружка базировалась на его «Логико-философском трактате»), из представителей Венского кружка в первую очередь – американцы Рудольф Карнап, Курт Гёдель, представители Львовско-Варшавской школы поляки Казимеж Айдукевич, Альфред Тарский, Тадеуш Котарбиньский, аналитические философы британцы Бертран Рассел и Карл Поппер и американец Уиллард ван Орман Куайн, а также философы-рационалисты поляки Юзеф Бохеньский и Людвиг Флек и немец Ханс Рейхенбах. Из классиков Лем особо уважал древних греков Платона и Аристотеля, римлянина Святого Августина, англичанина Уильяма Оккама, ирландца Джорджа Беркли, французов Блеза Паскаля и Пьера-Симона Лапласа, немцев Иммануила Канта, Артура Шопенгауэра (в большей степени за стиль философствования, литературный язык, пессимизм) и Карла Маркса (только в части его материалистической философии). А учитывая в большой степени естественнонаучную и кибернетическую направленность интересов и творчества Лема, к его союзникам относятся также математики-кибернетики американцы Джон фон Нейман и Норберт Винер и англичанин Алан Тьюринг, биолог англичанин Чарльз Дарвин.

Главными противниками в философии, к взглядам которых Лем постоянно, порой даже нелицеприятно, оппонировал, являются немецкие философы Георг Гегель, Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, Зигмунд Фрейд, французские философы Жан-Поль Сартр, Клод Леви-Стросс, Жак Деррида, Пьер Тейяр де Шарден, Мишель Фуко, Жак Лакан, Жан-Франсуа Лиотар (Лем говорил: «Следует избегать французских философов»), американские философы Джозеф Райн, Пауль Фейерабенд, Герберт Маркузе, Ричард Рорти, канадский философ Херберт Маклюэн, а также философы-футурологи Герман Кан и Фрэнсис Фукуяма.

Обо всех вышеперечисленных философах (и многих других) можно найти рассуждения в произведениях Лема, как в философских, так и в беллетристических. В упомянутой выше книге «Станислав Лем» приведена подборка таких рассуждений Лема о девяти десятках мыслителей-философов XX столетия [1, с. 157-328].

III

Сам Станислав Лем неоднократно подчёркивал, что он «родился, чтобы философствовать в то время, когда в королевстве философии уже невозможно построение целостных систем. Королевство философии распалось из-за вторжения науки, так что философы уже не могут выступать суверенными создателями образа мира» [6].

Так в чём же конкретно суть **философии** Лема?

Здесь уже невозможно обойтись без работ польского доктора философии Павла Околовского, который в своих статьях и монографии «Материя и ценности. Неолукреционизм Станислава Лема» [7] представил основные философские взгляды и идеи Лема, пронизывающие всё его творчество: и дискурсивное, и беллетристическое. Причем с первоначальным вариантом описания основных своих идей Околовским Лем ознакомился лично и с удовлетворением высказался, что ему в этих работах «как философу поют дифирамбы» [8, с. 210] и «Разные хорошие вещи написал также этот автор [Павел Околовский] по вопросу моего положения на небосводе современной философии. Однако мне кажется, что с таким высоким местом он немного перебрал» [9, с. 751].

На вопрос «Кто Лем больше – писатель или философ?» Околовский ответил: «Поставленный вопрос понимаю так: в чём, с точки зрения культуры, достижения Лема более важны: в сфере художественной литературы или в области философии. И отвечаю категорично: в философии! (...) Для Лема собственная художественная литература всегда была носителем рациональной мысли, что он подчёркивал. Была форпостом мощного взгляда на мир, философской разведкой. А его философия – величины которой сам недооценивал, и поэтому неудивительно, что недооценивают и другие, – может быть смело поставлена в ряд с самыми крупными философскими работами современности, например, Рассела и Поппера. Лем перед ними имел то преимущество, что создал (в противоположность им) философскую систему – с наиболее оригинальным и наиболее обширным в XX веке видением мира. Лем мало занимался эпистемологией (как Рассел и Поппер), зато дал великую – в традиционном греческом или средневековом стиле – метафизику с философией человека плюс разработанной аксиологией...».

Итак, по Околовскому, философия Лема – это «рационалистический натурализм с метафизическими продолжениями». После себя Лем оставил философскую систему, что, правда, является результатом логического анализа его работ, а не его собственным заявлением: сформировал собственные метафизику, теорию познания и аксиологию.

Его метафизика – материалистический монизм – атомистична и казуалистична (т.е. характеризуется вероятностным детерминизмом). Выводы из нее: в мире не всё взаимосвязано; вечным Космосом управляет случай (в соответствии со стохастическими законами), и поэтому в нем имеет место синтезирование эмергентности – появляется нечто новое и непостижимое (например, жизнь, язык, культура). Материализм в толковании Лема близок аналогичным древним доктринам, особенно близок эпикуреизму (а в его рамках прежде всего работе Лукреция «О природе вещей»). В метафизике Лема рациональной теологии соответствует теория вероятности разума (ноология). В соответствии с ней интеллект и разум представляют собой разные вещи; только разум имеет отношение к воле и поэтому должен быть интегрирован в тело и наделен чувствами. Возможна целая иерархия космических разумов, которые возникают всегда независимо. Эти и многие другие идеи Лема явно выходят за рамки натурализма, что свидетельствует о их глубине. В бытии неотъемлемо присутствует тайна, что сближает метафизику Лема с метафизикой крупнейших философов – Витгенштейна и Лейбница. Философия Лема – это философия судьбы, то есть признания случая, и поэтому её можно называть тихизмом (учением о господстве случая во Вселенной). В отличие от всякого светского гуманизма она не противится случаю, ибо он является демиургом: относительно нас глух, неожиданен, поэтому и несправедлив.

Эпистемология Лема, четко оставаясь в тени размышлений над бытием, представляет собой умеренный эмпиризм и тонкий рационализм (на основе сайентизма), обогащенный социологией знания. Эта теория познания основывается на классическом определении истины и фальсификационизме Поппера, признавая, однако, за человеком скромные познавательные возможности. И, хотя Лем подчеркивал, что принадлежит к «ордену эмпириков» [10, с. 465], его тезисы о мире как целостности априори являются синтетическими суждениями, ибо был он всё-таки «оппортунистически настроенным сторонником эмпирии» [10, с. 422].

Антропология и аксиология Лема, важнейшие в его философии и являющиеся его наибольшим вкладом в современную мысль, по сути христианоцентричны – прежде всего из-за признания склонности человеческой природы к моральному злу и основополагающей роли Декалога

в жизни. Главными тезисами лемовской философии человека являются следующие:

– Антропологический нативизм. По Лему, личную судьбу каждого человека прежде всего определяют его гены, а также эпоха (состояние культуры) и общество (Родина и семья); эти факторы независимы от наших желаний и намерений и определяют врожденные параметры личности: характер, темперамент, эмоциональность, интеллект, – и все они определяют талант личности.

– Антропологический манихеизм. Лем обращал внимание, что человеческая природа характеризуется «асимметрией стремлений к злу и добру» [11, с. 533], которую Лем считал универсальной характеристикой (пристрастностью) Космоса: «Мир является недоброжелательным, ибо: в нём легче уничтожать, чем создавать; легче мучить, чем делать счастливым; легче погубить, чем сохранить; легче убить, чем оживить. Если бы оба вида деятельности можно было выполнять одинаково легко, тогда мир был бы безучастным. Зато если бы легче было осчастливить, чем разрушить, легче оживить, чем убить, это был бы доброжелательный мир. Из этого перечисления следует, что наш мир является недоброжелательным. (...) То, что любой предмет легче разбить, чем его воссоздать, это вектор энтропии – второй закон термодинамики! (...) Такова природа мира. Даже Господь Бог разводит руками» [10, с. 480-481].

– Антропологический паулинизм. Лем разделял убеждения св. Павла, что человек, как общественное существо, может побеждать зло исключительно коллективно, а не индивидуально. Моральные тормоза совершения зла людьми поставляет общественное сознание. При этом, по мнению Лема, среди религий христианство предпочтительнее, ибо оно единственное создало научно-техническую цивилизацию, дополненную государством права, основанным на идее свободы. Евангельское «любите врагов ваших» (...) возможно было наиболее драматическим и отчаянным усилием противостояния тому злу, тому наследию “хищной обезьяны”, которое передали нам поколения антропогенеза за несколько миллионов лет» [12, с. 54]. Христианская система ценностей наиболее соответствует человеческой природе, хотя в современных условиях Декалог не помешало бы дополнить какими-нибудь новыми заповедями, соответствующими новым условиям жизни, например, порожденными биотехнологией.

Главный тезис философии Лема: «**Технология – это независимая переменная цивилизации**» – эта фраза в различных видах встречается фактически во всех философских трудах Лема, во многих его научных и публицистических статьях и интервью и даже в беллетристике. Тем самым

речь идёт об общественном детерминизме, определяющем нашу коллективную судьбу, что связывает идеи Лема с историческим материализмом Маркса, только основывается на совершенно иной метафизике – не гегелевской. Технология влияет и на культуру, приводя её к упадку. Культура уступает развлечению, становясь в большой степени индивидуальной вместо коллективной, удовлетворяя антивкусы. Упадок Лем относил и к научной фантастике, которую писатель-фантаст хотел видеть как «инкубатор еретическо-познавательной мысли». Центральным звеном философии Лема являются его глубокие размышления о развитии научно-технической цивилизации. Перефразируя слова Маркса («Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»), можно сказать: современные философы пытаются изменить мир, для Лема же главное – мир понять. Лем говорил: «Главным героем моих книг является познание».

IV

С иной стороны подошёл к философии Станислава Лема немецкий доктор философии профессор Бернд Грефрат, автор четырех книг о Леме, автор статьи о Леме и его философских монографиях в немецкой философской энциклопедии [13]. В книге под красноречивым названием «Еретик, дилетант и гений: Переступая границы философии» о Леме-философе Грефрат делает прогноз: «Через сто лет Лем будет таким же известным философом, как сегодня Шопенгауэр» [14, s. 9].

На тот же вопрос «Кто Лем больше – писатель или философ?» Грефрат ответил: «Сложно однозначно классифицировать писателя и мыслителя; и, в особенности, это относится к Лему. Существует множество способов исследовать философские темы, и беллетристика – один из них. Я бы сказал, что Лема интересует философия, но часто его метод является литературным».

Грефрат в упомянутой выше книге рассматривает труды Лема во взаимодействии-взаимовлиянии-взаимообусловленности заключенных в них футурологии и философии, тем самым подчёркивая, что в произведениях Лем хочет «проанализировать возможности и направления технологического прогресса и их общественные, культурные, юридические, психологические и философские последствия» [15].

Ознакомившись с работой Грефрата, Лем в 1994 г. написал: «Прочитав его толстую книгу, я в конце концов пришел к убеждению, что проще всего будет сказать, будто он видит во мне личность, проектирующую нечто, что должно называться **философией будущего**. И не столько облаченной в костюм сюжетной *science fiction*: скорее, эта *science fiction* более *science*, чем

fiction, составляет **область моделирования** того, что в определенной, с трудом выделяющейся из моих сочинений, мере означает простор семантических десигнатов, который **еще** не заполнен, т.е. пространство виртуально возможно для заполнения. Таким образом, не сказать ли просто, что я проектировал предсказания, которые отчасти уже успели сбыться? Однако немецкий автор (Б. Грефрат) утверждает, что это было бы недопустимым упрощением. (...) Таким образом, что же должна была означать эта достаточно загадочная «философия будущего?» [9, с. 636].

Следует отметить, что понятие «философия будущего» использовалось давно. Иногда просто как синоним понятия «будущее философии», иногда как «новая философия» (у Людвиг Фейербаха – в сороковых годах девятнадцатого века), а в сороковых годах двадцатого века это понятие применялось как синоним понятию «футурология», иногда как составная часть «футурологии», но не прижилось. Первый «бум» футурологии пришёлся на конец шестидесятых годов двадцатого века – уже после появления «Суммы технологии» Лема. Тогда же Лем досконально изучил всю сложившуюся теорию и практику футурологии, что нашло своё воплощение в изданной в 1970 г. двухтомной монографии «Фантастика и футурология» [16], второе издание которой в 1973 г. было расширено во многом именно в части футурологии (например, главы «Парадигматика футурологии» и «Бессилие футурологии» [16, т. 1, с. 166-186]). Лем писал: «Футурология, отражая картину мира, вносит в него дополнительную смуту. Ведь то, что она может реально предложить миру, недостаточно, а то, что достаточно, нереально. Как и сам мир, футурология находится на переходном этапе. (...) Что в таком мире произойдёт с футурологией? Её интернационализм останется упущенным шансом. Вскармливаемая из государственных кормушек, она разделится на локальные футурологии и “контрфутурологии”. Она не станет ни радаром, ни путеводной звездой человечества, а превратится в новое информационное оружие противоборствующих сторон. В настоящее время в футурологии наметились две тенденции: универсализации и сепаратизма. Универсализм чаще провозглашается внесударственными футурологическими школами. Изоляционизм практикуют эксперты, работающие в коллективах, тесно сросшихся с группами власти, бизнеса, силового давления. Тенденция к такому разделению ещё не очень заметна. Никто пока во весь голос не заявил, что “мы должны создать футурологию для крепости богатства в океане голода”. Но такие слова носятся в воздухе. Отказ от глобальных оценок – это наибольшая опасность для футурологии и для мира в целом. Такой опасности ещё нет, но она поджидает нас в недалёком будущем. Но

кто же её должен предсказать, если не футурология? Как видно, весьма полезной может оказаться футурология футурологии» [16, т. 1, с. 158-162].

В начале 1970-х гг. Лем читал лекции по основам футурологии в Кракове студентам философского факультета Ягеллонского университета. Тогда же руководство университета предложило ему представить очередную редакцию своей философской монографии «Сумма технологии» [11] или «Философия случая» [17] в качестве докторской диссертации, но Лем посчитал, что это ему не нужно. На основе лекций о футурологии появилась большая статья с красноречивым названием (определением футурологии) «Зонд в рай и ад будущего» [18], которая в 1974 г. была издана также в качестве предисловия к третьему изданию «Суммы технологии». В этой статье Лем дал ещё одно афористичное определение: «Футурология – это заменитель или временный протез избыточного знания». А также выполнил её классификацию – разделил на пять видов.

1) Футурология институциональная, или Футурология *status quo*. К ней относятся, например, работы Германа Кана, выполняемые по заказу правительства США в специального для этого созданном институте.

2) Футурология экологическая, или Футурология «мимо воли». Анализ последствий для природы внедрения научно-технических достижений.

3) Футурология бестселлерная, или Футурология массовой культуры. Например, различные предсказания в фантастической литературе.

4) Футурология оппозиционная, или Футурология политизированная. Прогнозирование негативных последствий деятельности власти.

5) Футурология формально-тестовая, или Футурология аполитичная. Например, доклады Римскому Клубу о развитии цивилизации.

В 1989 г. после того, как Лем прекратил писать беллетристику и вернулся в Польшу после шестилетнего проживания в Австрии, он несколько лет активно занимался именно футурологией и философией, т.е. философией будущего. В результате в 1992 г. была издана книга «Прошлое будущего» [19] – правда, только на немецком языке. Книга представляет собой сборник из пяти объёмных статей: 1) Тридцать лет спустя [9, с. 462-494; 20, с. 5-36] – продолжение полемики с польским философом-академиком Лешеком Колаковским по некоторым вопросам из «Суммы технологии»; 2) Прошлое будущего [21] – о некоторых удачных прогнозах в «Сумме технологии»; 3) Жизнь в эпоху СПИДа; 4) Попытка прогноза до 2000 г. [22]; 5) Предварительный анализ XXI века [5, с. 457-464; 23].

Эта книга тоже явилась источником информации для размышлений Греффрата о «философии будущего» Лема. Футурология описывает объекты и явления, которые осуществляются (сбываются) в будущем либо нет. Лем

писал: «В то же время “философия будущего” как любая “обычная нормальная” философская системная школа должна иметь разделы: онтологию, эпистему, а также этику. И потому толкования должны показывать онтические, познавательные и, в конце концов, этически-моральные последствия, как производные изменений, которые в момент их объявления нисколько не были для всех вероятны. Более того, они не могут быть даже поняты, не могут быть приняты за высказывания, которые, быть может, в другой форме, но в самом корне похожи на тождественности, и могут исполниться, причем быстрее, чем думает тот, кто их родил в своей голове и хочет ими попотчевать других. Словно всё уже было сказано, но ничего не было понято, следовательно, ни за прогноз возможной фальсификации, ни за логическое доказательство определенной “невозможности реализации чего-нибудь” не могло быть принято. (...) Философия будущего должна заниматься последствиями открытий, которые не открыли, хотя уже где-то, в какой-то основе науки, они начинают прорастать, и над ними уже стоят инвесторы большого капитала. (...) Философия будущего должна готовить человечество к тому, что будет с его судьбой, то есть с ним самим в XXI веке и в третьем тысячелетии» [9, с. 638-641].

Объясняя свои успехи в прогнозировании, Лем говорил [10, с. 417-418], что он старался предсказать уровень развития науки и техники, рассматривая альтернативные пути, выделяя из них прогрессирующие. Он взял за образец не видение «с потолка», а эволюционные процессы и технологию, которой эволюция оперирует в наших телах, он старался присматриваться к тому, что закономерно и возможно в мире природы, предполагая, что туда, где непреодолимых барьеров нет, можно вторгнуться. Тем самым предсказания Лема – это чаще всего его чисто научные гипотезы. Можно утверждать, что успехи Лема в прогнозировании (в футурологии) (см., например, его статьи «Что мне удалось предсказать» [9, с. 710-716; 20, с. 703-710] и «Повторение сказанного» [20, с. 711-718]) объясняются не только тщательным изучением и анализом направлений развития науки и техники, но и тем, что именно в рамках «философии будущего» в своих философских и беллетристических произведениях он анализировал онтологические, эпистемологические и, в конце концов, этически-моральные последствия внедрения предполагаемых достижений.

Так как одним из организаторов настоящих Лемовских чтений является Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, то специально этому Совету очень рекомендую обратить внимание на сборник Лема «Молох» [20]. Этот сборник (он же сборник «Тайна китайской

комнаты» плюс сборник «Мегабитовая бомба») – это сборник эссе, опубликованных в 1993-1998 гг. в компьютерном журнале-ежемесячнике «PC Magazine po polsku». Это вообще сборник поражающих воображение своим количеством научных идей, размышлений, гипотез (а значит, и прогнозов) в области компьютеров и информатики, которые могли бы стать основой для многих научных диссертаций. Много в сборнике рассуждений и на философские темы (например, глава «Искусственный интеллект как экспериментальная философия» [20, с. 273-284]). Считаю, что этот сборник должен входить в список обязательной литературы для студентов, специализирующихся в информационных технологиях. А лицам, пожелавшим заниматься разработкой искусственного интеллекта, до принятия окончательного решения о таком занятии обязательно следует очень внимательно протудировать этот сборник – во избежание разочарований в дальнейшем в процессе работы.

V

И в завершение на всё тот же вопрос «Кто Лем больше – писатель или философ?» ответ даёт сам Лем (написано это им было в далеком 1979 г. и опубликовано в малоизвестном тексте – послесловии к немецкому изданию «Диалогов»). Итак, Станислав Лем: «Когда я искал концепцию и область, в которой мог бы работать и для которой мой интеллект годился бы лучше всего, я обосновался в лавочке, называемой научная фантастика, потому что я буквально воспринял её фальшивое и вводящее в заблуждение название. Научная фантастика означала для меня научную строгость и в то же время ещё и привилегию творческой свободы, которую предоставляет искусство. То есть, несмотря ни на что, всё-таки означала философию, пусть и скрытую переводом в литературу» [24]. Или Лем кратко в письме американскому переводчику: «Меня одолел так называемый Философский Бес» [25, s. 39].

Литература

1. Язневич В.И. Станислав Лем. Минск: Книжный Дом, 2014. 448 с.
2. Грицанов А. Лем Станислав. В кн.: 1) Новейший философский словарь. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999; 2) Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001; 3) Всемирная энциклопедия: Философия. XX век. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002; 4) Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2003; 5) Новейший социологический словарь. Минск: Книжный Дом, 2010.
3. Грицанов А. Солярис // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.

4. Лем С. Весь этот философский хлам (интервью) / Пер. Язневича В. Млечный Путь (Иерусалим). 2014. № 3. С. 196-216.
5. Лем С. Черное и белое / Сост. Язневич В.; пер. Язневича В. и др. М.: АСТ, 2015. 640 с. (серия «С/с Лем»).
6. Stanisław Lem – Visionär ohne Illusionen (interview). Die Zeit (Hamburg), 2005, № 31.
7. Okołowski P. Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. 562 s.
8. Лем С. Раса хищников / Пер. под ред. Старосельской К. М.: АСТ, 2008. 285 с. (серия «Philosophy»).
9. Лем С. Мой взгляд на литературу / Сост. Язневич В.; пер. Язневича В. и др. М.: АСТ, 2009. 857 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
10. Лем С. Так говорил... Лем / Сост. Язневич В.; пер. Борисова В. и Язневича В. М.: АСТ, 2006. 764 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
11. Лем С. Сумма технологии / Пер. под ред. Широкова Ф. М.: АСТ, 2002 и др. 669 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
12. Lem S. Sex Wars. Warszawa: NOW Nova, 1996. 312 s.
13. Gräfrath V. Lem Stanisław. // Großes Werklexikon der Philosophie / Hrsg. Volpi F. Stuttgart: Kröner, 1999, Bd. 2, s. 902-904.
14. Gräfrath V. Ketzer, Dilettanten und Genies: Grenzgänger der Philosophie. – Hamburg: Junius, 1993. 360 s.
15. Gräfrath V. Dylematy wyzwolonego rozumu. Polonistyka (Warszawa), 2000, №1, s. 10-14.
16. Лем С. Фантастика и футурология. В 2-х томах / Пер. под ред. Борисова В. М.: АСТ, 2004 и др. 591 и 667 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
17. Лем С. Философия случая / Пер. Старостина Б. М.: АСТ, 2005 и др. 767 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
18. Лем С. Зонд в рай и ад будущего / Пер. Язневича В. Млечный Путь (Иерусалим). 2013. № 1. С. 152-177.
19. Lem S. Die Vergangenheit der Zukunft. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 1992, 144 s.
20. Лем С. Молох / Сост. Язневич В.; пер. Язневича В. и Борисова В. М.: АСТ, 2005 и др. 782 с. (серии «Philosophy» и «С/с Лем»).
21. Лем С. Прошлое будущего / Пер. Язневича В. Млечный Путь (Иерусалим). 2013. №2. С. 152-215.
22. Лем С. Попытка прогноза / Пер. Язневича В. Млечный Путь (Иерусалим). 2013. №4. С. 199-204.

23. Лем С. Предварительный анализ XXI века / Пер. Язневича В. Млечный Путь (Иерусалим). 2013. № 4. С. 193-199.
24. Lem S. Nachwort // Lem S., Dialoge. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980. s. 307-319. *Перевод на русский язык см. в настоящем сборнике.*
25. Lem S. Sława i Fortuna. Listy do Michaela Kandla 1972-1987. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2013. 726 s.